

Культура, искусство

ПРИЗВАНИЕ ХУДОЖНИКА

Ахтановым. Спектакли по драматургическим произведениям писателя идут во многих театрах нашей страны. Достойное место в репертуаре Казахского драматического театра им. М. Ауэзова, Республиканского театра для детей и юношества заняли постановки «Сауле», «Клятва», «Печаль любви», «Отец и сын», «Зять-примак» и другие, осуществленные по пьесам Тахави Ахтанова.

Наша беседа — о литературе, творческом методе, проблемах национального театра.

— Как вы относитесь, Тахави Ахтанович, ко всему ранее созданному вами?

— Речь идет, как я понимаю, о переоценке, ревизии, если так можно выразиться, уже сделанного. Что же, как всякий художник, я подвержен процессу переосмысления, но если у других он остается лишь благим пожеланием себе, я пытаюсь по мере возможности реализовать задуманное. Так было, например, с романом «Буран», в котором через показ действительно трудных бытовых обстоятельств, влияние уходящих в прошлое волюнтаристических тенденций (конец 50-х годов) на мировоззрение героев происходит освобождение личности от всего гнетущего, довлеющего. Так вот,

при одном из переизданий этого романа я вмешался в трактовку образа секретаря райкома Касбулата, трагедию которого в новом варианте преподнес как следствие тяжелого для страны времени. Три дня буря, борьба во имя спасения колхозного скота — и на фоне этого картины прошлого (война, плен), сегодняшняя жизнь героев, показ

— В «Бурани», как и в другом романе — «В грозные дни», рассказывающем о подвиге панфиловцев, заглавной является тема Великой Отечественной войны. Случайно ли повторное обращение к событиям военных лет?

— Оно закономерно и последовательно, ибо я — участник Отечественной войны, воевал под Ржевом, в Крыму, закон-

ражения жизни. Именно с этих позиций я подошел к решению военной темы в новом романе «Свет очага», в котором весь ужас и трагизм тех лет передал через чувства, переживания матери, ожидающей ребенка, и позже — родившей его в обстоятельствах чрезвычайно трудных. Для меня новый подход к теме войны в этом романе выразился в изме-

неную тему главной в вашем творчестве!

— Пожалуй, самой ответственной, хотя для меня не существует страсти, скажем, только к производственной или так называемой деревенской, другим темам. Я пишу о многом, немало о молодежи, пытаюсь поднимать проблемные вопросы, относящиеся к актуальным жизненным явлениям, стремлюсь полно выявить нравственную сущность героя своего произведения. И еще. О чем бы я ни писал, в центре моего внимания всегда был и остается Человек новых, невиданных ранее социалистических отношений, в чем и вижу свое призвание как художник.

— Хотелось бы узнать, Тахави Ахтанович, о вашем рабочем методе...

— Творческой лабораторией все то, что окружает меня, называть трудно. В ней ничего не разложено по полочкам, как и не учтено заранее. К слову будет сказать, меня всегда удивляло желание критиков выудить из произведения какую-то одну, главную идею. Писатель в каждую свою книгу вкладывает не одну, а некую сумму идей, ориентирующую читателя на поиск смысла жизни неординарным путем. Я не терплю заданности, потому что усматриваю в ней тормоз для действитель-

ного отражения жизни. Что касается замыслов, то они зреют подчас подспудно: к драматургическому произведению «Клятва» я шел пятнадцать лет. Художественное воображение, мечта, интуиция — они также играют не последнюю роль в писательском деле.

— Какая, на ваш взгляд, наиболее важная проблема стоит сейчас перед современной литературой?

— Проблема совершенствования личности, воспитания в человеке чувств, уверенно противостоящих бездуховности.

— Вы много пишете для театра. Чтобы вы хотели пожелать нынешним режиссерам, актерам?

— Вопрос для меня, прямо скажем, серьезный, Казахский театр драмы имени Ауэзова, где неоднократно шли и идут сейчас спектакли по моим пьесам, является в плане моих рассуждений показательным. Театр имеет давние традиции, свой десятилетиями накопленный золотой фонд классических постановок, но он, на мой взгляд, несколько теряет национальное лицо. Я не против острой сценической публицистики, современных пьес, но они не должны утрачивать колорита, выражающегося в точной передаче

души народа, его конкретных реалий, сущности народного характера. В театре есть современные пьесы, неплохо подобран классический репертуар. Но именно в этих спектаклях начисто отсутствуют традиции старой актерской школы. Ушли из жизни Куанышбаев, Умурзаков, Байсеитов, Кожамкулов, другие основоположники театра и, увы, унесли с собой опыт народного сценического действия. На смену им пришло новое, безусловно талантливое поколение актеров, личное, однако, вкуса народного слова, потока речи того времени, о котором повествует классика.

Я — за достоверные образцы, богатство звуковых красок, поэтику казахской речи в ее первоначальном виде. Я — за искусство без скороговорок, за вдумчивые постановки, в которых молодые актеры должны говорить на хорошем народном, как и литературном языке. Ведь имеет, к примеру, Малый театр свой язык, свою исполнительскую культуру, свою, если так можно выразиться, русскую духовность.

— Что более всего, Тахави Ахтанович, вы цените в людях?

— Все мы ищем в людях добро, но я хочу особо выделить особое, необходимое для нашего времени качество — гражданское мужество.

Интервью вел В. МАРЧЕНКО.

НА СНИМКЕ: писатель Тахави Ахтанов. Фото О. Ионова.

Творческая лаборатория писателя

драмы человеческой души, ее глубоких нравственных перепадов. То есть, подрабатывая роман при переиздании, я руково д с т в а л с я мыслью о поступательном развитии истории, писательском, гражданском и, наконец, человеческом долге рассказать людям правду. Впервые этот роман увидел свет в журнале «Новый мир» в пору редактирования его Александром Твардовским.

Да и вообще, если говорить о возвратах в творчестве: время нетнет да и заставляет меня во имя будущего заглянуть в прошлое. Что-то сделал бы сейчас иначе, но жизнь идет вперед, а с нею замыслы, поправки к уже написанному в виде рождения новых сочинений. И этот процесс — необратимый.

чил войну в Германии, имею ранения. Словом, те годы прошли через меня со всеми их страданиями и болью, горечью поражений и ни с чем не сравнимой радостью одной из всех побед. Понятно, что у меня к военной теме свое, индивидуальное отношение, и пишу я о том, что видел и пережил тоже по-своему, исходя из личного опыта, собственных ощущений.

Я всегда говорил и говорю: писатель должен обладать специальным даром, позволяющим «переводить» свои чувства и мысли, свое понимание истории, современности на язык художественных образов. Ведь пишущий — не бытописатель, как и сама литература — не пассивный созерцатель времени, а художественная, действенная форма от-

ражения святы и тонких — материнских чувств. Их мы наблюдаем в условиях огня, смертоносного металла — это было именно так, в чем и состоит безысходность положения молодой женщины.

Сюжет романа «Свет очага» основан на действительно существующем факте. До сих пор живет и здравствует в Павлодаре прототип героини моего романа Жамал Агадилова. Для моей героини Назиры мир предстает в двух красках — черной и красной, земли и крови, жизни и смерти. Хрупкость, нежность, женственность и сущий ад войны, страшный, пепельный мир первых дней отступления. На этом контрасте я и строю свой роман.

— Тахави Ахтанович, можно ли считать воен-